

Это было в один из теплых дней на закате солнца. Вокруг, как в заколдованном царстве, стояла абсолютная тишина. Сидя на ступеньке деревянной длинной лестницы санатория, спускавшейся к Иркуту по крутому, заросшему травой и кустарником откосу, Галина Алексеевна устремила взгляд на окрестности загорода. По ее загоревшему, благородному, уже немолодому лицу скользил луч какой-то восторженности. Немного ссутулившись и подавшись всем корпусом вперед, она, казалось, хотела вспорхнуть и мчаться в беспредельную даль.

— Чем это вы зачарованы? — осторожно спросила я Крамову.

— Хорошо... — улыбнувшись, почти прошептала она. И снова молчание, и все та же тишина. Только изредка слышались легкий шелест листьев мелко-леса, поскрипывание старой сосны да всплеск быстротекущей иркутской воды, несущей по своему руслу бесчисленное множество плотов.

— А вам разве не нравятся все это? — вдруг неожиданно спросила Галина Алексеевна, показав на широкую лесистую панораму и, не ожидая ответа, продолжила:

— Все это обожжено и обожжено вдоль и поперек. Когда мой Митя был жив и здоров, мы с ним частенько в этих местах появлялись.

Я знала, что Дмитрий Алексеевич Ходков, всю жизнь проработавший актером и режиссером в иркутских театрах, был мужем, близким другом и товарищем Галины Алексеевны. 10 лет назад Ходков умер. Расставаться со счастьем было невыносимо тяжело. Сначала не хотелось верить, потом не хотелось жить. Галина Алексеевна, казалось, совсем потеряла почву под собой. После тяжелой утраты она ушла в себя. Хотелось быть наедине со своими мыслями и чувствами.

Но прошло время — и добровольное изгнание стало для нее невозможным...

— Работать! Больше работать! — сказала она себе и пошла прямо в театр.

С молниеносной быстротой вспомнила себя на сцене этого театра впервые перед открытием занавеса. О, как тогда билось ее сердце! Ведь она полюбила этот храм культуры еще задолго до того, как вступила на его подмостки.

Галина Алексеевна — настоящая дочь Сибири. Она родилась и выросла в Иркутске, в старой интеллигентной семье. В юности Крамова успешно закончила гимназию и в Иркутске же вступила в самостоятельную жизнь. Заветная мечта ее ранней юности — стать учительницей, отдать все свои знания и благородные порывы молодости воспитанию детей. Но, не подзревая, она начала проявлять свои артистические задатки еще в период ученичества в гимназии, на уроках литературы. Эти задатки, постепенно развиваясь, впоследствии сами собой выдвинули ее сначала на любительскую, затем на профессиональную сцену.

Однажды, когда в гимназии готовились к ученическому вечеру, двенадцатилетняя Галя Крамова получила задание — прочитать стихотворение Никитина «Старый слуга». Это стихотворение на ученической сцене читалось много раз. Однако, прослушав юную птичку на генеральной репетиции, начальница гимназии вычеркнула его из программы вечера.

— Почему? — обратилась к ней Галя.

— Я не могу тебе, детка, ответить на этот вопрос. Ты еще очень маленькая, не поймешь меня. Ты очень хорошо читаешь. Но это стихотворение тебе лучше оставить. Мы тебе дадим другое.

Так сильно прозвучала обличительная сила слова поэта в устах маленькой Крамовой.

И вот пришло советское время. В Иркутске один за другим открываются рабочие клубы, организуются кружки художественной самодеятельности. Создается рабочий клуб и в Маратовском предместье под названием «Окраины», где Крамова, совсем еще молодая, принимает активное участие в постановке спектаклей. Потом переходит на профессиональную сцену, работая сначала в железнодорожном театре, затем во Дворце культуры. Галина Алексеевна с большой любовью вспоминает эти годы: «Я была бесконечно благодарна своему зрителю и беспредельно счастлива, что так нужна и служу ему. Вот тогда-то и дала себе слово — никогда не покидать сцену, которая, в сущности, ничем не отличается от кафедры педагога».

Любовь трудящихся к театру подогревала актеров, и они работали до отказа, не считаясь ни с чем. Спектакли ставились не только на профессиональных сценах, но и в холодных паровозных депо, железнодорожных нетопленных клубах, в госпиталях и цехах заводов и фабрик. Театр стал доступен сердцу каждого человека. Галина Алексеевна снискала всеобщую любовь иркутского зрителя. Ей преподносили букеты цветов, подарки, слали поздравительные телеграммы и письма.

В период НЭПа Галину Алексеевну приглашают в Иркутский драматический театр, где в ту пору работать приходилось в трудных условиях, играть спектакли с трех ре-

нова. Перед зрителем добрая, милая, мужественная женщина, на долю которой выпал жребий воспитать без отца сына. Наталья Сергеевна по-матерински любит молодежь, окружающую ее. Однако она в то же время как мать строго относится к каждому из них: за ошибки судит прямо в глаза, помогает советами. С ней считаются и уважают ее.

Галина Алексеевна отлично справлялась и с характерной ролью Маргариты в спектакле «Одна». Образ Маргариты, созданный Крамовой, настолько жизненный и яркий, что лучше, кажется, и создать трудно. Об этом хорошо сказано режиссером-постановщиком С. С. Казимировским. Поздравив актрису с премьерой, он преподнес ей программу, на которой значилось: «Родная моя, Галина Алексеевна! Вы создали изумительную новеллу о трудной судьбе одинокой, грустной и озорной, обаятельной и колкой женщины нашего времени. Спасибо Вам. Поздравляю Вас!».

А вот Галина Алексеевна в роли хозяйки Нискавуори в спектакле «Женщины Нискавуори». Сколько психологически красок, оттенков в этом ее образе! Смотришь и не веришь, что это актриса и что она ходит по сцене. С первого акта образ хозяйки захватывает и не отпускает до конца спектакля. Как-то невольно переносишься вместе с исполнительницей в угрюмые финские скалы, в каменное гнездо и живешь среди его обитателей. Гордая, умная, непоколебимой воли женщина строго стоит на страже законов «каменных гнезд». Перед ней склоняются все, кто живет в этих вековых нерушимых скалах. Крамова очень осторожно, шаг за шагом раскрывает глубину внутреннего содержания своей героини, показывает, как она под влиянием новых

веяний отступает от прежних традиций, в то же время не меняя своего характера, внешнего спокойствия и величия.

Она такая же гордая и твердая, вместе с тем обаятельная и от природы по-матерински добрая. Образ женщины из Нискавуори, созданный Крамовой, романтически приподнят над той мрачной действительностью, которая царил и поддерживалась этой же женщиной в «каменном гнезде». Но свежий ветер, внезапно пахнувший над угрюмыми скалами, тронул струны души хозяйки Нискавуори, и они, созвучно этому ветру, запели новые песни.

Благодарная своему зрителю, Крамова всегда готова служить ему. Несмотря на шестидесятилетний возраст, она постоянно видит перед собой образы, которые хотела бы сыграть на сцене родного театра.

Общественность Иркутска, оценив труд любимой актрисы, в 1944 году представила ее к званию заслуженной артистки республики. В 1957 году Крамова получила звание народной артистки РСФСР.

Любовь иркутского зрителя к Крамовой связана не только с ее игрой на иркутской сцене, но и с общественной деятельностью. Первым и священным делом Крамова считает воспитание молодежи. Бесчисленное множество раз она встречается со студентами, молодыми рабочими фабрик и заводов, с учащимися школ, часто проводит задушевные беседы об искусстве, о театре, о поведении молодого человека в социалистическом обществе, о долге перед Родиной. Все это делается с большой педагогической убежденностью, с верой в пользу бесед для молодого поколения.

Вряд ли кто из артистов Иркутска оказывает столько помощи художественной самодеятельности, сколько Крамова, особенно во время смотров. Нередки случаи, когда она с этой целью выезжает за пределы города Иркутска.

Немало Крамова сделала как депутат Иркутского горсовета, куда она избиралась одиннадцать раз. Галина Алексеевна работала председателем культурно-массовой комиссии горсовета. Теперь она — депутат областного Совета, заместитель председателя областной культурно-массовой комиссии. От ее внимания не уходят библиотеки и школы, дошкольные учреждения и общежития молодежи. Она занимается и трудоустройством, пенсионным делом...

Есть люди, которые доживают до старости, навсегда оставаясь молодыми. Эти люди всегда полны сил, ума, таланта. Така и Галина Алексеевна. Недаром иркутяне называли ее почетным гражданином своего города. В ней всегда живут молодость, энергия, жажда служить народу, родной Сибири.

Т. ОГОРОДНИКОВА.

ДОЧЬ СИБИРИ

петиций. С коллективом драматического театра она объездила всю Сибирь. Работала в Бодайбо, Красноярске, Улан-Удэ, Кузбассе и в далеком Якутске. Некоторое время гастролировала на западе и вновь вернулась в родной город, теперь уже настоящим мастером-профессионалом. Самый зрелый период актерского мастерства она, конечно, отдала иркутскому зрителю. И ролей здесь сыграно столько, что, по ее собственному выражению, если бы все эти образы вдруг сошлись вместе, то вряд ли поместились на сцене.

Галину Алексеевну всегда привлекали чистые, глубокие, сильные натуры, с большими чувствами, зовущие на героические подвиги. Вот почему ее любимыми образами в юности были Луиза («Коварство и любовь»), Лиза («Дворянское гнездо»), Соня («Дядя Ваня»), Тугина («Последняя жертва»). Но самым дорогим был образ Джульетты («Ромео и Джульетта»).

Галина Алексеевна много работает над собой. Она никогда не приступит к работе над ролью, прежде чем как следует не прочтает всю литературу, касающуюся образа, пусть даже в десятый раз. Только после основательного знакомства она приступает к созданию сценического образа. Первая ступень ее работы — придумывание биографии героя не только в настоящем, но и в будущем и в прошедшем.

— Скажите, Галина Алексеевна, как вы достигли полноты характера страшной мадам Будкевич? — спросила ее однажды преподавательница литературы. — Ведь вы — это одно, а госпожа Будкевич в «Незабытаемом 1919» — совсем другое. У вас с ней ничего общего.

Крамова многозначительно улыбнулась: — Конечно, играть самое себя куда легче... Но ведь на то и мастерство актера. Представьте себе, чем я больше ненавижу это существо, тем лучше мне удавалась роль. Я вообразила, что Будкевич произошла из богатой эксплуататорской семьи, родители которой жестоко издевались над народом и к этому приучали свою дочь, от природы наглую, неглупую и с большой волей. То есть я перекинула мостик из прошлого в настоящее...

И, наоборот, каждый положительный образ вызывает у Крамовой большую симпатию и под влиянием этих чувств вырастает в новый, ее собственный сценический образ. Вот она в роли матери Дмитрия Стоя-